

Не Чэн чуть не задохнулся от резкого запаха мяты, ударившего ему в лицо. Пробираясь сквозь заросли, он, наконец, увидел Цинь Фэйфэна: тот стоял без рубашки, явно промокший под дождем всю ночь. Тело покрывалось легким инеем, а многочисленные раны побелели от воды. Никаких следов лекарственного порошка, который Не Чэн так тщательно наносил накануне, не осталось и в помине.

Цинь Фэйфэн, похоже, заметил, как сузились зрачки Не Чэна, и с умным видом заявил:

— В этот раз я не испачкал одежду!

Оказалось, он помнил, как Не Чэн ругал его за испорченную во время драки одежду. Поэтому, выйдя ночью и увидев дождь, просто разделся догола, оставив только нижнее белье. И это белье теперь тоже промокло, неприлично облекая длинные мускулистые ноги.

Глядя на его преданные, как у собаки, глаза, Не Чэн глубоко вздохнул и, наконец, не выдержал.

Когда Цинь Фэйфэн с недоумением снова пододвинул к нему пучок душистой полыни, Не Чэн внезапно сузил глаза, резким движением руки сбил траву на землю и, не дав опомниться, пнул его ногой, отправив в грязь.

Не Чэн, дрожа от гнева своей искалеченной правой рукой, сквозь зубы прорычал:

— Я потратил столько сил, чтобы обработать твои раны, а ты, черт возьми, думаешь, что мне больше нечем заняться?!

Цинь Фэйфэн, оглушенный ударом, на мгновение замер, пытаясь что-то сказать, но Не Чэн снова пнул его, заставив перекатиться по грязи, и обрушил на него град слов:

— Супруги?! Кто, черт возьми, сказал, что мы супруги? Ты вообще понимаешь, что это значит? Ты совсем с ума сошел? Выбежал ночью под ливень! И без одежды! На кого ты это представление разыгрываешь? Я, что, слишком мягко с тобой обращаюсь?!

Не переставая ругаться, Не Чэн начал топтать разбросанную по земле душистую полынь:

— Я тебе говорю, если бы ты вчера замерз насмерть или тебя разорвали бы злые духи, это не имело бы ко мне никакого отношения! Я никогда не говорил, чтобы ты выходил и искал этот хлам!

Закончив тираду, Не Чэн собрался уходить, но остановился, перевел дыхание и более спокойным тоном добавил:

— Подумай сам. Если ты и дальше будешь так поступать по собственному усмотрению, то не следуй за мной. У меня много дел, мне некогда заниматься твоими глупостями.

Сказав это, он развернулся и пошел обратно, с напряженным лицом.

За последние десять лет он никогда ни перед кем не чувствовал себя таким беспомощным. Но сейчас он просто не знал, что делать с этим дураком. Он не мог понять, как объяснить ему, насколько смешны его поступки.

Даже если Не Чэн понимал, что Цинь Фэйфэн не хотел его беспокоить, и даже чувствовал легкую горечь и тронутость в душе, он знал, что если решил оставить Цинь Фэйфэна рядом, то

не может позволить ему рисковать жизнью ради глупых идей.

У Не Чэна, конечно, не было опыта в воспитании. Он только держал двух птиц, которых откормил до жирного состояния, и они были очень вкусными. Но он помнил, как маленькие ростки, которых он видел, когда только пришел на Террасу Бессердечия, превращались в воспитанных маленьких бессмертных под строгим руководством Не Юсюаня. Конечно, он не хотел, чтобы Цинь Фэйфэн стал таким же скучным. Он просто хотел, чтобы тот понял: если он не будет беречь свою жизнь, Не Чэн будет очень, очень зол.

Хотя он и пнул его именно туда, где не было ран.

К сожалению, Не Чэн ничего не знал о воспитании дураков.

Цинь Фэйфэн смотрел, как Не Чэн уходит, не оглядываясь, с грустью посмотрел на растоптанную душистую полынь, замолчал на мгновение, а затем поднял голову: глаза его стали красными.

Внезапно он подскочил, мышцы груди напряглись, и, устремив взгляд на удаляющуюся спину Не Чэна, с низким рычанием бросился вперед.

Не Чэн, погруженный в мысли о своих успехах на пути заботливого опекуна, даже не ожидал подвоха. Услышав шум сзади, он подумал, что Цинь Фэйфэн наконец понял и мчится извиняться. С облегчением он обернулся, но в этот момент Цинь Фэйфэн врезался ему в поясницу, чуть не выбив почки.

Не Чэн с грохотом упал на землю, и, не успев повернуться, Цинь Фэйфэн уже сел на него верхом.

Цинь Фэйфэн, с яростью в глазах, схватил Не Чэна за лицо:

— Не Чэн! Ты не держишь слово!

— Цинь Фэйфэн?!

Не Чэн с изумлением уставился на него, настолько шокированный, что даже забыл сопротивляться.

Но даже если бы он попытался, это бы ничего не дало. Он лежал на земле, руки закручены за спину, половина лица зажата в руке Цинь Фэйфэна, и он не мог пошевелиться.

Цинь Фэйфэн, прижав Не Чэна к земле, неосознанно сжимая его лицо, крикнул:

— Мы теперь супруги!

Не Чэн половина лица онемела от боли, он чувствовал, как кости вот-вот треснут. В обычной ситуации он бы уже нашел способ вывернуться, но сейчас, почему-то, его редкое упрямство вспыхнуло с новой силой.

— Ты сказал, и это стало так? Я не соглашался, — холодно произнес он.

Цинь Фэйфэн сжал его лицо еще сильнее:

— Не Чэн сказал, мы не любим друг друга, но я нашел...

— Ты нашел, и что? — Не Чэн уже не хотел объяснять разницу между «любовью» и «полынью».
— Я не согласен, ты что, сейчас меня убьешь?

Глядя прямо в одержимое лицо Цинь Фэйфэна, глаза Не Чэна были черны, как чернила, без единого намека на тепло. Даже если лицо болело, он не издал ни звука, словно человек, лежащий в грязи, был не он.

Когда-то он уже переживал подобное. Чем безнадежнее была ситуация, тем холоднее он становился.

Цинь Фэйфэн, увидев его взгляд, на мгновение застыл, и его хватка ослабла.

Не Чэн, почувствовав, что лицо начало отходить, спокойно сказал:

— Встань.

Цинь Фэйфэн тупо смотрел на него, но с упрямством в голосе пробормотал:

— Мы... будем супругами, и тогда сможем быть вместе всю жизнь.

Не Чэн почувствовал странное сжатие в груди, но только усмехнулся и ничего не сказал.

Цинь Фэйфэн не сдавался:

— Хорошо? Пожалуйста.

Не получив ответа, Цинь Фэйфэн снова сжал руку, но, подняв взгляд, увидел, как искалеченная правая рука Не Чэна, закрученная за спиной, дрогнула.

Не Чэн впервые так ненавидел свою правую руку. Он мог спокойно притворяться перед кем угодно, но сейчас он не хотел сдаваться перед этим дураком. Лево́й рукой он сжал правую, впиваясь ногтями в кожу, почти ломая ее, чтобы остановить дрожь.

Цинь Фэйфэн вдруг остановился.

Он словно очнулся, с испугом отпустил лицо Не Чэна и увидел, что половина его лица распухла. Он выглядел как ребенок, который осознал, что сделал что-то ужасное, и быстро встал, бормоча:

— Не Чэн... прости... я... я...

Он смотрел на свои руки, явно не веря, что мог причинить вред Не Чэну. Он никогда не знал, насколько силен, потому что никогда не сопротивлялся, даже когда его унижали. Это был первый раз, когда он сам напал на кого-то.

Не Чэн уже встал, игнорируя боль во всем теле, поднял с земли ветку и со всей силы ударил ею Цинь Фэйфэна.

Цинь Фэйфэн не уклонялся, получив несколько ударов, которые оставили на его теле кровавые следы, но с раскаянием подошел ближе, глядя на опухшее лицо Не Чэна:

— Не Чэн, тебе больно?

Не Чэн снова ударил его, на этот раз по лицу, оставив кровавую полосу.

Затем он сжал ветку в руке, замер на мгновение и, наконец, развернулся.

Цинь Фэйфэн инстинктивно шагнул за ним, но Не Чэн указал на него веткой и спокойно сказал:

— Проваливай. Больше не следуй за мной.

Сказав это, он ушел, не дав Цинь Фэйфэну шанса понять, что произошло.

Не Чэн понял, что ошибся. Он не должен был надеяться, что дурак сможет повзрослеть. Сколько бы он ни старался, дурак останется дураком.

Неблагодарным волком.

«Лучше быть одному».

Не Чэн с прямой спиной вернулся в гостиницу, закрыл дверь и, наконец, согнулся, схватившись за поясницу, чуть не застонав от боли.

Черт возьми!

<http://bllate.org/book/16908/1556875>